ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Пролог

Эти мусорные баки, если отсчитать назад лет сорок–пятьдесят, уже тогда стояли на заднем дворе центрального ростовского «Военторга». Высоким и помпезным фасадом магазин выходил на главную городскую улицу Энгельса. Отроду была Энгельса Большой Садовой, да потом ею снова и стала. Но не в этом суть. И раз дело наше началось с мусорных баков, то от них потихоньку и пойдем.

При баках работали подсобниками на полставки, как пенсионерам и положено, два древних деда, каждому лет по восемьдесят, а то и больше. Звали их дед Гришка и дед Ёська. Первый происходил из казаков, другой из рода Моисеева. Друзья — не разольешь. Ёська до «Военторга» всю жизнь на Центральном рынке тачечником трудился. С детства. Еще при царе, а потом и в революцию, и в Гражданскую и Отечественную войну, и после орал «поберегись», меж рядами рыскал, товар подвозил к прилавкам, походя ноги честным гражданам колесиками отдавливал — дело это во все времена людям нужное, тачку катать. Не служил Ёська, не воевал, жил тихо, работал честно и курочку свою к субботнему столу имел почти регулярно. А что еще человеку надо?

В Гражданскую его с мобилизацией пронесло. Обычных жидов тогда военные в своих рядах не жаловали, грабили только да издевались над бедолагами, и белые казаки, и красные. Но с Ёськи чего взять, кроме тачки?! А в Отечественную он уже вроде и не в призывных по возрасту оказался, к тому же прихрамывал с малолетства, да и тачки по базару во все времена при всех режимах катать кто–то должен.

Смешным был этот Ёська, говорят, с молодых ногтей. А к нашему времени и вовсе чудить стал по–стариковски. Во дворе военторговском, недалеко от мусорных баков, сортир раньше уличный стоял. Так однажды Ёська нужду большую там справил, а дальше... малость неаккуратно у него с газеткой вышло. Опять же высморкался дед двуперстно. Выходит, прихрамывает, подошвами по асфальту брезгливо шаркает и матюкается. Дескать, гады всякие в очко попадать не научились, а культурному человеку ступить некуда, воняет теперь. И к грузчикам на скамейке, — видали, — мол, — безобразие, срут где хотят?!

А у самого под носом...

Ну... покатились все с лавки. И смех и грех. На полдня работа встала. Дед Гришка там же сидел. Хвать совок из ведра, и за Ёськой. Иди, — кричит, — сюда, поц ин тухес! Я тебе сейчас подотру!!!

Два дня потом друзья не разговаривали.

Хоть и шуму было много, и веселья, и до директора дошло, но замяли дело. Потому что эти два старика считались для всего «Военторга» вроде как тотемами, или талисманами. Спокойней с ними как–то. Да и дело свое знали. Чисто было во дворе.

Дед Гришка харизмой намного дружка своего превосходил. И если над Ёськой все смеялись и подшучивали, то старый казачок и сам мог над кем хочешь шуткануть так, что не порадуешься, и дружка своего тоже в обиду не давал. Был он роста небольшого, но как корень у акации, витой, жилистый и, несмотря на свои восемьдесят с гаком, удивительно сильный. Вот он, случай...

Мужик один соседский повадился в военторговские баки мусор выливать. Раз сказал ему дед, два, — не носи. А мужик отвечает — иди, мол, старый хрен, лесом.

Схватил тогда Гришка одной рукой нарушителя повыше локтя, сжал крепко, ведро полное вырвал и на голову наглецу высыпал. А тот, побледнев от боли, присел возле баков тихонечко. Очухался потом, поскулил, ведро здоровой рукой поднял и ходу. Больше не появлялся.

Но не злой был дед Гришка, нет, не злой. Простодушный. Побалагурить любил, прихвастнуть иногда. Нальет мне бабка рюмочку, — рассказывал, — я выпью. Потом встану под горячий душик, согреюсь и иду ее радовать! Так вот.

За руку с Гришкой многие опасались здороваться, если навеселе, мог пошутить. Схватит и держит, не пускает, только поддавливает всё сильнее и сильнее, говорит — займи рубль, друг! Занимали. Отдавал, правда, всегда.

Дальше разговор наш про одного деда Гришку пойдет. О Ёське мы так, для полноты картины, вспомнили.

Про древнего казака знали мы мало. Как многие старые люди той поры ничего про себя он не рассказывал. Просочилось чуть–чуть. Что дрался в Гражданскую войну, то за беляков, то за большевиков. С ними, с большевиками, Ростов брал. Потом, когда Думенко арестовали, собирался Гришка вместе со всей громадой своего лихого командира идти освобождать, решку наводить комиссарам. Но... обманули те красных казачков, вывели Думенко перед конными полками. Не захотел герой крови меж своими. Всё нормально, братцы, — крикнул, — айда по казармам. Убили человека потом. Сказали — враг.

В лагеря и под «крышку» большевистскую казак Григорий не попал, бросил хутор и в Ростове затерялся, грузчиком в порту работал, рыбу на базар возил. Тогда и с Ёськой познакомился. Черт их, тачечников, разберет, кто откуда. Не до них было тогда Советской власти.

В Отечественную Гришка ушел воевать добровольцем. Сам явился в военкомат. Дело казаку привычное, врагов убивать. Рука набита, наломана.

С войны пришел, жил тихо, кормился при базаре. Как и что, не рассказывал, медалями не бренчал. И уже после пенсии вместе с Ёськой в «Военторг» перебрался.

Вот и всё вроде. Больше нечем деда вспомнить. Только однажды рассказал он нам, дворовым пацанам, неизвестно зачем и почему, одну историю. И сегодня, думаю к месту, я ее всё чаще и чаще вспоминаю.

Действие

Кони стонали от стужи и боли под февральским восточным ветром, разбивали подковами мерзлый наст. Венчики копыт ранились снежной коркой. Корка эта, порозовев от крови, потом со стеклянным звоном рассыпалась вокруг неровными злыми осколками. Металлические грызла удил наружными краями прикипали к лошадиным губам и ранили, царапали наледью кожу, оставляли глубокие кровяные трещины в уголках рта. По краю конских ноздрей, на губах и под подбородком, на редких волосках стылыми гирляндами намерзали белесые капли. Шерсть покрывалась хрупкой ледяной коростой.

Накануне жестоко, словно ударами камчи, оттепель прогнал бездушный «калмык». Насвистывая свирепый мотив, восточный ветер сверху наотмашь порывисто хлестал серое свинцовое небо, и оно, прижавшись к земле, рыдало сначала мокрым снегом, а потом, окоченев сердцем, превратило снежинки в ледяную росу. Роса намерзала на всё живое. Птицы, сорванные в полет бурей, замертво падали вниз и чернели на белом саване редкими непонятными пятнами. Деревья задыхались в прозрачном гладком панцире, ветки их ломались от тяжести и удушья.

Винтовочные ложа с затворами, спусковые механизмы и патроны в обоймах, эфесы шашек и ножны, всё намертво сковалось меж собой ледяной моросью.

Люди в полушубках, шинелях и бекешах, обмотав башлыками лица, сидя в седлах, понуро гнулись навстречу ветру. Одежда трещала при движении, сапоги в налипшей корке примерзали к стременам и тисками давили окоченевшие ступни. Непослушные руки с трудом сжимали заскорузлые поводья.

Белая казачья полусотня поволчьи рыскала в придонских рощах и оврагах, опасаясь наткнуться на такие же, как она сама, злобные красные стаи.

Не найдя своих, разминувшись в степной мгле с основными белогвардейскими силами, к родному хутору шли уже неделю. С боями, то уходя от крупных красных отрядов, то нагоняя и рассеивая их малочисленные разъезды, полусотня шла домой, чтобы согреться, чтобы, оттаяв душой и телом, обнять родных. Чтобы в парном сумраке конюшен, поев зерна и сена, перестали стонать и плакать от стужи уставшие казачьи кони.

Последний переход. Узкая, длинная, версты в полторы, балка с крутыми — не выберешься, забитыми снегом краями. Нужно спуститься в нее и пройти по извилистому дну к донскому берегу, а там недалеко уже и до дома.

Они двигались, растянув конный строй, мордой в хвост, друг за другом, часто сменяя головного, по очереди пробивая тропу в белых мерзлых завалах. Оцепенев, из последних сил добирались люди к теплу и спасению. Разведку вперед не высылали. Не было сил у старшего отдать такую команду. Да и выполнить этот приказ ни у кого уже сил не было.

Впереди, за поворотом, вдруг заржала лошадь. Конь направляющего поднял кверху морду и тоскливо ответил. Колонна замерла и очнулась. В предвечернем сумраке показались неизвестные всадники и тоже замерли от неожиданности в десяти саженях напротив.

И с той и с другой стороны люди, трогая коней плетьми, стали медленно перестраиваться для боя. Кони стонали под ударами, прыгали в снег и становились плотно по три в ряд, дальше не пускали их обрывистые склоны. Всё делалось молча. Команд слышно не было.

Когда сбились плотнее, пересчитали чужаков. Поняли, что силы примерно равны, и, не зная, кто напротив, дыханием стали отогревать эфесы шашек, намертво вросшие в ножны.

— Эй, — раздался голос с той стороны, — кого Бог несет?

Тишина. И только после минутного раздумья ответ:

— А вы кто будете?

Снова тишина. Потом тот же голос...

— Православные.

— И мы на церковь крестимся.

— А масти вы какой?

— Вороные.

— Хватит ржать, вороной! Говори — белые, красные, ну!

— Чалые.

— Тьфу. Не всех дураков на германской поубивали.

Снова тишина. И тут как находка...

— Мишкинские есть?!

— Есть, — откуда–то сзади.

— А чьи?

— Гурбановы. Слыхал?

— Петро, ты?

— Васька?

— Я, Васька. Я!

Помолчали опять.

— Петро! А ведь ты вроде в белые подался?!

— А ты в красные?

— Угадал, земеля.

Молчание. Потом прошелестел по рядам гомон с двух сторон и снова замер. Выехали чуть вперед старшие. Сумерки стали гуще, ветер окреп и относил слова в сторону. Людям приходилось кричать.

— Ну, что решаем? Рубиться?!

— Окстись, Аксинья! Где? Гляди хрен себе не отруби.

— Тебе–то и рубить, небось, нечего, отмерзло всё?!

— Угадал, сука.

Снова помолчали...

— Эй! Поворачивайте назад. И мы повернем. По светлому завтра юшку вам пустим.

— Какой там черт, поворачивать?! Встряли, как затычка..., да и не с руки нам. Давай по одному справа двигай навстречу. С Богом разъедемся!

— Бога нет, дядя!

— Пороть тебя, дурака, некому! Ну что? Двигай?!

— Давай! Носит тут... всякое.

— П–о–о–о–вод, — протяжно в обе стороны разнеслась команда, — по одному справа, прямо–о–о–о, м–а–а–а–р–ш!

Зафыркали, закряхтели от натуги кони, по очереди выбираясь из сугробов. Две вооруженные колонны медленно двинулись навстречу. Одинаковые, похожие друг на друга люди в обмерзших шинелях, бекешах и полушубках, с замотанными в башлыки лицами, в тесном снежном коридоре медленно разъезжались в противоположные стороны. Они стукались коленями, цеплялись за встречных стременами и оружием, сталкивались злыми, недоверчивыми взглядами и после, разойдясь уже, облегченно прибавляли шагу, торопили коней, добираясь к своей дальней цели.

Через час разыгралась метель, и даже следов этой встречи не осталось на заснеженном дне балки.

Эпилог

Я, как и раньше, живу по соседству с «Военторгом». Теперь там всё изменилось внутри, и новых хозяев этого здания я не знаю. Но мусорные баки, как прежде, стоят в том дворе. Мне видно их из окна. Сейчас они занесены снегом, а вокруг и около валяется развеянный злым ветром мусор. Рядом с баками неровной стопкой прижались к стенке предвыборные плакаты. Их, когда стихнет метель, повесят на наружном фасаде.

Внук мой Никита становится рядом. В восемь лет я тоже упирался грудью в подоконник, когда глядел на улицу.

— Игорь, — он зовет меня Игорь, и это мне нравится. — Игорь, куда ты смотришь?

— Туда.

— Зачем?

— Просто. Думаю.

— Расскажи!

— Ты не поймешь.

— Пойму!

— Тут я еще не всё понял. Ладно. Иди сюда. Видишь в–о–о–н те мусорные баки? Видишь? Ну а теперь слушай...

Игорь СИТНИКОВ

За выпуск очередного номера редакция газеты «Ростово-Нахичеванское общество любителей истории, литературы и искусств» выражает благодарность И.И. Кнышовой и Т.М. Багдыкову.

ГАЗЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО В РОСТОВЕ–НА–ДОНУ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ

Главный редактор Г.М. Багдыков

Верстка, дизайн В.В. Резвяков

Корректор Н.С. Лаврентьева

Публикуемые материалы не всегда отражают позицию редакции. За содержание опубликованных материалов и рекламных объявлений несут ответственность их авторы и рекламодатели. Переписка с авторами ведется только на страницах газеты. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка материалов, опубликованных в газете, только с письменного разрешения редакции.

Над номером работали Г. Багдыков, О. Мордовина

Контакты редакции и издателя:
e–mail: rostovparis@mail.ru, gmb1971@mail.ru

Группа в ВКонтакте: «Ростово–Нахичеванское общество любителей истории, литературы и искусств»

Наш канал Rostov–Nakhichevan в Ютуб: *https://www.youtube.com/channel/UCYuDxRVI4–OjBVF–MqF9Www/featured*

Ссылка на телеграмм канал: *https://t.me/NachihevanPegas*

Наш сайт Ростово–Нахичеванский Пегас: *https://rostovo–nakhichevansky–pegas.ru/*

12+

Газета отпечатана в типографии ООО «Веда», Ростовская обл., г. Таганрог, Мариупольское шоссе, 71–Е.
Объем – 4 страницы. Выходит 1 раз в квартал. Тираж 500 экз.
Заказ №
Время подписания:
по графику 28.03.2024 в 16:00, фактически 29.03.2024 в 16:00. Дата выхода в свет: 29.03.2024.